

ОНИ СРАЖАЛИСЬ НА ВОЛГЕ

«...Войска Донского фронта в 16.00 22.43 года закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника...»

В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились. — Это строки из донесения Военного совета Донского фронта Верховному Главнокомандующему.

Великая битва на Волге еще раз показала миру несокрушимую силу Советской Армии, созданной и вышедшей из коммунистической партии. Начался коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны в пользу Советского Союза.

Завтра весь советский народ, все прогрессивное человечество отмечает 25-летний юбилей замечательной победы. Воинам-сталинградцам посвящает эту страницу «Советская культура».

РОДИЛСЯ он на Смоленщине, мать умерла при родах, а воспитывала мальчика тетка Анастасия Ивановна Очкина. Алексей говорит, что это первый человек, которому он многим обязан в жизни. Растила она его по-спартански, закаляла, была требовательна и строга. Работала Анастасия Ивановна сельским врачом, часто брала мальчонку с собой на вызовы. На всю жизнь проникся он уважением к труду врачей, с которыми в будущем не раз предстояло встретиться: двадцать ранений и контузий дали для этого достаточно оснований...

А в общем детство было как детство. Мечтал стать кавалеристом, шахтером, астронавтом, исследователем Арктики; все, чем жила страна, волновало мальчишек и девчонок.

Но приходит июнь сорок первого. Фашистская орда топчет родную Смоленщину, подходит к городу на Неве, который ты полюбил всем сердцем. У миллионов мальчишек одно желание: на фронт! Это желание разбивается непреклонным военкомом: «Кончил восьмой — учись в девятом, шестнадцатилетних не берем, без тебя справимся». В неразберихе первых месяцев войны Алешка подделывает возраст в паспорте, «ворует» у времени три лишних года. И вот он уже курсант Ленинградского артиллерийского училища, самый молодой курсант в осажденном городе...

Пропустим несколько месяцев. Опустим боевые тревоги, рытье траншей, первое ранение, госпиталь и перенесемся в далекую Сибирь, где под Омском формируется 112-я дивизия. Молодой лейтенант зачислен в подразделение истребителей фашистских танков. Эта часть славится на всю дивизию командиром, капитаном Михаилом Иосифовичем Богдановичем. Ночные тревоги; бесконечные переходы в тридцати-сорокаградусные сибирские морозы; ночевки в снегу, когда над тобой регулярно сменяется часовая — ему вменено в обязанность растереть тебя в случае обморожения... Богдановича называют «железным капитаном». Его проклинаят сквозь зубы, но не могут не уважать: котелок капитана наполняется в последнюю очередь; отпуская других в увольнение, сам он ни разу не навелит семью в Омске — все время в казарме, все время с бойцами. По дороге на фронт солдаты видели, как он прощался с женой и дочерью: что-то коротко сказал, как скомандовал, поцеловал обеих — и в вагон. Глаза сухие, сам сухой, как всегда. Одно слово, «железный»...

Силу «железа» узнали через несколько дней, когда прямо с эшелона дивизию бросили в бой на подступах к Сталинграду в центральной излучине Дона. На необстрелянную часть двигался бронетанк 4-й танковой армии Готта — армии, прошедшей Францию, Бельгию, Польшу. 29 июля 1942 г. в сводке Совинформбюро сообщалось, что подразделение капитана Богдановича из шестидесяти танков уничтожило двадцать два. После этого боя Алексей Очкин понял, что «железный капитан» — второй Человек с большой буквы в его жизни. Из «скороспелки» он сделал «железного лейтенанта».

Капитан Богданович воевал недолго. Он не успел получить даже первой своей награды: через несколько дней «железный капитан» погиб, уступив при артобстреле свое

место в укрытии молодому солдату. Из жизни он ушел в книги, в легенды, которые до конца войны передавались по «беспроволочному солдатскому телеграфу».

И еще один человек, оказавший влияние на судьбу молодого собеседника, — командир дивизии полковник Иван Петрович Сологуб. В гражданскую он воевал вместе с Котовским и даже внешне был похож на Котовского. Дрался в Испании, знал Матэ Залку. Традиции лучших боевых командиров принес полковник в свою дивизию. Не случайно именно у него стал возможен «железный капитан» Богданович, у него вырос и Алексей Очкин, которого он называл «лейтенант Огонь». Жизнь Сологуба была героической, и смерть его проста и величественна: там же, под Сталинградом, на его наблюдательном пункте разорвалась мина. Иван Петрович Сологуб лежал с множеством ранений и продолжал командовать, продолжал руководить боем. Он не позволил себе умереть, пока его бойцы не выполнили задачу.

А Алексей Очкин шел в новые бои, в новые схватки

«ЛЕЙТЕНАНТ ОГОНЬ» И ДРУГИЕ

с врагом. И здесь, под Сталинградом, его имя стало тоже легендой.

Тут я должен остановиться, чтобы признаться читателю: эта часть разговора была для меня самой трудной. Нет, Очкин ничего не скрывал, но отделивался какими-то короткими фразами, ничего не значащими замечаниями. Как только речь заходила о нем, мой собеседник словно леденел. И только по отдельным деталям мог я себе представить, что пережил этот человек.

Он рассказал мне о боях на Мамаевом кургане:

— Здесь мы увидели как бы атомную бомбу в миниатюре — 40 тысяч снарядов и мин ложились ежедневно на участок в 300 квадратных метров. Ложились, как в тире, один на другой. И контратаковать здесь труднее — местность пересеченная и воронки, воронки... Идешь в атаку, — сколько от крови человеческой... Трудно представить себе Мамаев курган в сентябре сорок второго. Дальность стрельбы оружия для нас играла чисто теоретическую роль — нигде было развернуться. Бои шли кулак в кулак, били врукопашную, вцеплялись в горло.

Подразделение Очкина получило задачу — оборонять

поселки Красный Октябрь и Баррикады. Именно здесь пишет Алексей в своем комсомольском билете: «Отдам жизнь за Родину, но ни на шаг не отступлю». Сейчас этот билет, пробитый пулей, хранится в Музее обороны Сталинграда. Но пробило его позднее — в боях на Круче.

Круча — под таким названием безымянный прежде обрыв этот вошел в историю битвы на Волге. Она была бельмом в глазу у гитлеровцев. Ее бомбили фашистские летчики, расстреливали прямой наводкой артиллеристы. Казалось, все погибло в этом смерче огня и стали. Но стоило вражеским солдатам подняться в атаку, как с Кручи начинался губительный огонь. Немецкий генерал Г. Дерр писал, что оборону Кручи держали 3 дивизии. Советский лейтенант Очкин опровергает его. Весь мир знает сегодня, что на Круче «лейтенант Огонь» располагал пятьюдесятью семью бойцами, включая медсестру и себя самого. Сталинградцы так их и прозвали — 57 бессмертных.

57 человек, казавшиеся тремя дивизиями. Такие были люди!

Сразу после боев на Круче раненый лейтенант был принят в ряды Коммунистической партии.

После Сталинграда были побеги из госпиталя — врачи не пускали на передовую, лихие рейды по тылам врага и повторение подвига Александра Матросова на Курской дуге, уличные бои в польских и немецких городах, были, наконец, штурм рейхстага и рейд на Прагу.

По фронтам самой жестокой войны прошел этот человек, и она не убила в нем веры в людей, не убила человечности.

Да только ли в нем?

Конечно, война оставила свою печать на тех, кому сейчас сорок и больше. Это раны, которые нет-нет, а дают о себе знать. Это — горькое чувство при воспоминании о погибших. Это даже ответ Алексея Очкина на вступительном экзамене в Институте кинематографии в 1947 году. С. М. Эйзенштейн спросил абитуриента, как зрительно представляет он себе Героический этюд Шопена. И Очкин ответил:

— Мне кажется, это похоже на то, что я видел в Сталинграде: при бомбежке бревна взлетают в небо, как спички, подброшенные рукой играющего ребенка.

У человека, не видавшего фронта в глаза, такой образ не возникнет. И этюд Шопена всегда будет видаться Алексею именно так. От этого не уйдешь. Но взметнувшиеся к небу бревна не застилают ему солнца, не мешают воспринимать все краски мира. Он снимает фильмы «Мы из Семиречья» и «Девушка Тянь-Шаня». Он пишет пьесу «Старая яблоня», в которой ощущаешь его любовь к земле, к родной Смоленщине, к ее людям и неброским пейзажам. Он автор героической драмы «Шагнувший в бессмертие», премьера которой состоялась на днях в Ростове, этой своеобразной пьесы-хроники, в которой я нашел и «железного капитана», и Сологуба — все фамилии здесь подлинны, и, наверное, сама пьеса правдива, как жизнь.

Вспомним героев Ремарка и Хемингуэя — эти мужественные люди, прошедшие через горнило войны, побеждены ею. На них война наложила свою мрачную печать. Они уже ничего не могут создать.

Как непохоже это на советского солдата! Он совершил великий подвиг — спас человечество от фашизма. Но не менее велико то, что он спас самого себя от разлагающего влияния войны. Солдат вернулся в родной дом, снял погоны и принялся за работу. Это замечательная победа нашего солдата, чье звание с честью нес и Алексей Очкин.

Евгений СТАРОСЕЛЬСКИЙ.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АЛЕКСЕЙ ОЧКИН — СОЛДАТ И ДРАМАТУРГ